

А.А.Галкин

ОБЪЕКТИВНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: идентичность, национальное государство, общественное сознание, глобализация

Новая ситуация, складывающаяся в мире, оказывает многообразное влияние на столь важный феномен политической истории человечества, как нация. И хотя этой теме посвящено уже немало публикаций, есть основания рассмотреть ее вновь и особо.

При анализе общности, именуемой нацией, не всегда в должной мере учитывается то обстоятельство, что речь здесь идет об общественном продукте не биологического, но социопсихологического плана, в основе которого лежит такое сложное явление, как идентичность.

В последние десятилетия это явление оказалось в зоне повышенного внимания со стороны многих представителей гуманитарного знания¹. Сказано о нем достаточно много — и верного. Но далеко не все. Прежде всего это касается интенсивности, составных частей, внутренних противоречий и особенностей той идентичности, на базе которой формировались (и формируются) устойчивые национальные общности, возникали и развивались государственные образования. Между тем данный аспект проблемы предельно важен, поскольку существенные элементы идентичности, цементирующей национальную общность, подвергаются ныне интенсивному внешнему воздействию.

¹ См., напр. Giddens 1991; Хабермас 1995; Эрикссон 1996; Castells 2004; Muir 2007; Дробижева 2008; Семенов 2008; Семенов, Лапкин, Пантин 2010; Лапкин 2011; Семенов (ред.) 2012 и др.

Несколько слов об анатомии национальной идентичности

Существует ряд факторов, определяющих становление национальных идентичностей. В их числе территориальная и этническая общность или близость, лингвистическое и культурное единство (или, по меньшей мере, сродство), совместное историческое прошлое, сходная заинтересованность в безопасности перед лицом реального или мнимого противника, совпадение экономических интересов. Значительную роль в выработке национальной идентичности в некоторых случаях сыграло и длительное совместное пребывание в рамках общего государственного образования — особенно если оно сочеталось с одним или несколькими факторами, названными выше.

При наличии этнической общности национальная идентичность, как правило, складывается проще. Однако преувеличивать эту сторону дела не стоит. Истории известно немало национальных идентичностей,

не опиравшихся на этнический фактор, но тем не менее проявлявших достаточную степень устойчивости.

Формирование национальной идентичности в решающей мере зависит и от уровня общественного развития. В мире еще сохранился ряд государственных (точнее, квазигосударственных) образований, где общая идентичность носит сугубо имитационный характер, маскируя доминирующую племенную или даже родовую идентичность. Однако в большинстве стран (особенно вышедших на сравнительно высокий уровень развития) национальная идентичность не только сложилась, но и не раз демонстрировала свойственную ей прочность.

Многообразие факторов, внесших свой вклад в формирование национальных идентичностей, неизбежно сказалось (и сказывается) на их внутренней структуре. По сути дела все они представляют собой своеобразные пирамиды, состоящие из частных субидентичностей, которые в одних случаях дополняют и укрепляют, а в других — ослабляют друг друга.

Чаще всего национальные идентичности подвергаются испытанию на разрыв в результате активизации этнических субидентичностей. Но не только. Как свидетельствует исторический опыт, серьезную угрозу национальной идентичности может нести в себе территориальная разобщенность или конфликт экономических интересов — достаточно вспомнить здесь судьбу бывших британских доминионов.

Завершенный характер национальной идентичности придает идентичность государственно-гражданская. При ее утверждении — в идеальном варианте — основная масса граждан, несмотря на наличие частных субидентичностей, признает свою принадлежность к сложившейся государственной общности, рассматривает ее как высшую ценность и руководствуется этим в своих оценках и поступках.

В реальной жизни, однако, дело нередко обстоит иначе. Во-первых, потому, что как индивидуальное, так и общественное сознание обычно глубоко противоречиво. Во-вторых, потому, что сами государственно-гражданские идентичности далеко не однородны. Они реализуются в виде различных моделей, чья форма варьирует в зависимости от обстоятельств, в которых они сложились, от условий существования разделяющих их граждан, от традиций и внешних влияний.

Налицо своего рода иерархия государственно-гражданских идентичностей разной интенсивности, обусловленной спецификой их внутренней структуры. В одних случаях такая идентичность базируется на своеобразном компромиссном сосуществовании двух (или более) сравнительно зрелых государственно-гражданских идентичностей. В других общая государственно-гражданская идентичность сочетается с присутствием в ее составе нескольких полностью или частично оформившихся частных идентичностей, которые либо ограничивают ее всевластие, либо временно пребывают в подавленном состоянии. В третьих, не обладая достаточно прочной социально-психологической основой, она искусственно поддерживается с помощью административного ресурса.

Очевидно, что степень воздействия меняющейся ситуации на государственно-гражданские идентичности (а следовательно, и на соответствующие государственные образования) во многом зависит от уровня их органичности, устойчивости и интенсивности.

Каналы воздействия

Каналы воздействия на национальную (государственно-гражданскую) идентичность можно условно подразделить на первичные и вторичные.

К первичным следует отнести те каналы, которые непосредственно обусловлены научно-техническими прорывами последнего времени и основанными на них социально-экономическими процессами. Прежде всего речь идет об информационной революции, качественных сдвигах в транспортной сфере и коренной глобализации экономической жизни.

Информационная революция во многом демонтировала ту невидимую, но реальную *непроницаемость* границ, которая так или иначе существовала в отношениях между многими государствами (и, следовательно, народами) вплоть до второй половины XX в. Последний гвоздь в ее домовину забила Всемирная паутина, принесящая информацию о том, что происходит во внешнем мире, если не в каждый дом, то, по меньшей мере, туда, где она интересна и нужна. Во всяком случае, образ жизни, интересы и проблемы других людей, в том числе обитающих на другом краю света, перестали быть тайной за семью печатями.

Качественные сдвиги в транспортной сфере сделали реальной возможность посетить — как в познавательных, так и в деловых целях — другие страны. Визиты в Лондон, Париж, Рим, Нью-Йорк, не говоря уже о таких некогда экзотических странах, как Египет, Тунис, Таиланд, Малайзия и т.д., о которых большинство «нерезидентов» знало лишь из беллетристики и кинофильмов, стали постепенно превращаться в составную часть быта миллионов людей.

Глобализация экономической жизни не просто обеспечила доступ к зарубежным товарам. Это в той или иной степени не было проблемой и раньше. Главное то, что под ее воздействием множество людей включилось в сферу мирового производства. В одних случаях они становились сотрудниками зарубежных предприятий, приобщаясь таким образом к трудовым взаимоотношениям, принятым за границей; в других — перемещались в поисках работы в иные, в том числе дальние, страны. Соответственно, резко возросла их прямая заинтересованность в ситуации не только на родине, но и за ее пределами.

Одним из побочных следствий происходящего стало возникновение мощных иммиграционных потоков, все чаще именуемых новым Великим переселением народов и создавших массу проблем, о которых речь пойдет ниже.

Вторичные каналы были вызваны к жизни осознанными действиями, представлявшими собой реакцию институтов власти на разверты-

вающиеся процессы. При всей ее специфике на первых порах она была в принципе схожей в содержательном отношении. Была принята совокупность законов, облегчавших межгосударственное передвижение не только товаров и денег, но и рабочей силы, осуществлены меры по юридическому и бытовому обустройству иммигрантов, создана система их профессиональной подготовки и переподготовки, обучения языку страны пребывания.

Впоследствии обнаружилось, что эта реакция была не вполне адекватной. Она не учитывала всей сложности происходящих изменений, и в первую очередь то, что такие неординарные процессы, как массовые перемещения и не менее массовые контакты людей, не имевших до этого сколько-нибудь значимого опыта взаимодействий, не могут не повлечь за собой серьезных негативных последствий социально-психологического и политического плана. Во внимание принимались лишь поверхностные соображения экономического порядка — прежде всего диктуемая конъюнктурой потребность в молодой и дешевой рабочей силе. Но что случилось, то случилось — и стало фактом, требующим признания и новых ответственных действий.

Параллельно начали реализовываться и более содержательные программы, направленные на создание интеграционных объединений. Говоря о таких объединениях, чаще всего вспоминают Европейский союз, и на то есть достаточно оснований. Действительно, Евросоюз по праву может считаться примером своевременной и небезуспешной реакции на вызовы современной эпохи. Однако аналогичные усилия предпринимались и в других регионах мира. Интеграционные структуры регионального типа сложились и действуют — пусть не столь активно, как ЕС, — в северной части Американского континента, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии, на просторах Африки. Начинают приобретать зримый облик интеграционные тенденции на постсоветском пространстве.

Как это все отразилось на общественном сознании? И что в связи с этим произошло с национальной идентичностью? Дискуссии по этому поводу ведутся уже давно, и им нередко свойствен не очень научный характер.

Иллюзии

Как известно, новые явления, даже получив признание, далеко не всегда находят должную оценку. Если первоначально их значение преуменьшают, то спустя некоторое время в моду входит их непомерное раздувание в духе повествований, которыми некогда тешил публику знаменитый барон Мюнхгаузен.

В политической публицистике, в том числе претендующей на научность, по сей день доминирует представление, суть которого можно передать следующими словами:

Нынешняя ситуация превратила национальные государства в отмирающий пережиток прошлого. Если они все еще су-

ществуют, то только по инерции и благодаря заторможенности общественного сознания. То же самое относится к государственным границам.

В духе этих перемен реконструируется и человеческое общество. Его устаревшие структурные элементы — расы, народы и нации — отмирают. Складываются, а частично и воплощаются предпосылки для формирования нового глобального сообщества. Соответственно преобразуется и массовое сознание. Оно приобретает космополитическое содержание. Таковы не только перспективы, но и (во многом) реальность. Тех, кто в этом сомневается, следует считать невеждами и ретроgrадами.

Среди сторонников подобных взглядов немало романтиков, преисполненных доброй воли и мечтающих на досуге о молочных реках с кисельными берегами. Более того, было бы неверно отрицать, что когда-нибудь в будущем, скрытом от нас временем, может возникнуть нечто похожее на рисуемую ими картину. Но ни с нынешней действительностью, ни с видимыми перспективами все это не имеет ничего общего.

Рассмотрим каждую составляющую этой иллюзии в отдельности.

Преждевременные поминки. На протяжении ряда веков государственные институты определяли основные параметры национальной экономической политики: контролировали состояние финансов, предписывали условия производства, регулировали направление товарных потоков, устанавливали правила внешнеторговой деятельности и т.д. С началом глобализации финансовой, производственной и торговой сфер возможности для вмешательства национальных государств в подобного рода деятельность заметно ослабли.

Долгое время прерогативой государства являлся более или менее жесткий пограничный контроль над перемещением людей и товаров. Сейчас этот контроль хотя и сохранился, но перестал быть настолько полным, как прежде.

Раньше государственные институты оказывали решающее воздействие на формирование духовной атмосферы — как минимум в пределах своих юрисдикций. Сегодня их влияние в этой сфере значительно упало.

В ходе интеграции появились надгосударственные надстройки, которым в той или иной мере делегируется часть государственного суверенитета. И это тоже сузило набор функций, закрепленных за государством.

Многие годы государственная власть располагала полной свободой рук при определении внешнеполитических приоритетов. В той же степени это касалось и принятия внешнеполитических решений. Теперь эта свобода рук не столь абсолютна. В результате региональной производственной кооперации и изменения объемов товарных

потоков повсеместно возникли сетевые горизонтальные связи, независимые (или лишь частично зависимые) от общегосударственных институтов.

В прошлом суверенные права международно признанных государств считались нерушимыми, а посягательства на них — нелегитимными и подлежащими осуждению. Ныне рассуждать о национальном суверенитете уже не модно. Он все чаще провозглашается устаревшим, а его нарушение допустимым — во всяком случае, когда речь идет о защите гуманитарных ценностей.

На данной констатации не следует, однако, ставить точку. Новые обстоятельства способствовали появлению и иных тенденций, которые заметно, по крайней мере — пока, укрепляют функции государства.

Политическая система демократического типа исторически сложилась в рамках национального государства. Расширение этих рамок, затронувшее некоторые важные сферы общественного бытия, сделало актуальным перемещение системы демократического контроля с национального на более высокий уровень. Но этого не произошло. Полноправных органов такого контроля (за малыми исключениями), как известно, нет, и о создании их в обозримом будущем вроде бы не слышно. Тем самым появилась сфера надгосударственных решений, закрытая для демократических механизмов. В итоге возникло поле для эгоистических злоупотреблений и неконтролируемых дестабилизирующих влияний. И это не абстрактное предположение, а констатация реальных фактов.

Как следствие, перед суверенным государством встала двуединая задача — защиты очагов демократии от транснациональных источников авторитаризма, с одной стороны, и ее развития в таких формах, которые сочетали бы укрепление целостности мирового сообщества с расширением и раскрытием потенциала различных разновидностей демократии, с другой.

Существуют и другие вызовы демократическому устройству. Классическая концепция демократии исходит из того, что народовластие базируется на общем интересе, разделяемом хотя бы относительным большинством граждан и позволяющем выявлять их общую волю с помощью демократических институтов. Между тем реалии современного мира подвергают эту посылку серьезным испытаниям на прочность. Новые технологии способствуют дроблению общества. Прежние формы социальной и этнонациональной солидарности распадаются. Происходит плюрализация позиций, интересов и взглядов. Появляются признаки формирования более гибких видов солидарности с преобладанием духовных и нравственных интересов. Электронные средства коммуникации создают модели прямого межперсонального общения, минуя посредничество социальных и политических образований. Соответственно, ослабевает общественный контроль над действиями и решениями политических элит.

Противостоять подобным тенденциям можно лишь на государственном уровне. И чем дееспособнее национальное государство, тем эффективнее реализуется его роль в качестве гаранта «общего интереса». Причем решающей предпосылкой выполнения им этой функции является прогрессирующая демократизация государственных институтов, позволяющая им противостоять все более изощренным формам манипулирования обществом, основанным на использовании современных средств коммуникации и инструментов массовой культуры.

По мере углубления глобализации возросло и значение государства как гаранта социальных завоеваний. Системы социальной защиты, складывавшиеся в разных странах на протяжении многих столетий, далеко не идентичны как по объему, так и по эффективности. Многое зависит от истории их возникновения, уровня развития народного хозяйства и соотношения политических сил.

Глобализация производственной деятельности, выведя ее за пределы национального государства, сделала необходимой и глобализацию институтов социального партнерства. Однако этого не произошло, и каких-либо признаков того, что произойдет в ближайшем будущем, не наблюдается. В результате у глобальных производителей оказались лишь национально организованные социальные партнеры. Очевидно, что их удельные веса и, соответственно, возможности несопоставимы. Тем самым производитель получил серьезные преимущества перед наемной рабочей силой, которые используются (или, во всяком случае, могут быть использованы) для демонтажа социальных гарантий.

Наращиванию усилий в этом направлении в решающей степени способствуют экономические интересы. Размывание социальных гарантий удешевляет рабочую силу. А это, в свою очередь, повышает конкурентоспособность производимой продукции. Отсюда повсеместная тенденция к выравниванию системы социальных гарантий не по высшему из достигнутых, как нередко провозглашалось ранее, а по низшему уровню.

Отсутствие глобализированных социальных партнеров породило также совокупность новых проблем, в ряде случаев не менее важных. Как оградить национальные системы социальной защиты от разрушительного воздействия экономических кризисов, обретающих все более выраженный глобальный характер? Как противостоять давлению со стороны внешних экономических партнеров, требующих от более слабых стран сокращения государственных расходов, прежде всего на социальные нужды? Как сопротивляться засилью международных корпораций, душащих национальные производства псевдоконкурентоспособностью, основанной на навязанной дешевизне рабочей силы в экономически отставших странах? Каким образом гарантировать поступления в национальные пенсионные фонды от корпораций, руководство которых размещено в далеком зарубежье, и т.д.?

При отсутствии наднациональных институтов социального контроля, способных решать эти проблемы, ими, безусловно, должно зани-

маться национальное государство. А это означает, что в обозримой перспективе значение его деятельности в социальной сфере не только не ослабнет, но, наоборот, существенно увеличится.

То же самое относится и к деятельности государства в области культуры. Унифицирующие импульсы не ведут к исчезновению цивилизационных различий, особенно в сферах культуры, образа жизни, моделей поведения людей. Напротив, по мере поступательного развития обществ происходит небывалый рост их самобытности и социокультурного своеобразия. Пускать этот процесс на самотек — значит способствовать дополнительному нарастанию напряженности. В связи с этим национальные государства должны обеспечивать условия для реализации объективно растущего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности, одновременно преодолевая порождаемые данным процессом негативные явления и канализируя его в русло солидарности и терпимости. Во всяком случае, других действенных институтов, которые могли бы справиться с этой задачей, у человечества пока нет.

Конечно, далеко не все государства и, мягко говоря, не всегда успешно решают вставшие перед ними задачи. Но это проблема уже из другой области. Так или иначе, из сказанного более чем очевидно, что национальные государства не только живы, но и жизнеспособны и сочинять эпитафии по случаю их упокоения как минимум преждевременно.

Неоднородность массового сознания. Решающую роль в жизнестойкости государств продолжает играть то обстоятельство, что становление наций и их роль в историческом процессе наложили глубокий отпечаток на общественно-политическое сознание народов, воздействуя на всю его толщу, включая глубинные слои.

Стремление к сплочению племенных и первичных этнических образований в большие институционально организованные общности, скрепленные не только властно, но и органически, возникло в Европе на рубеже XVI и XVII вв. и в основном реализовалось в течение двух последующих столетий. Как показал дальнейший ход событий, данный процесс отражал в то время магистральный путь развития человеческого общества. Важнейшей побудительной причиной, породившей названное стремление, была потребность в преодолении административных, торговых и финансовых барьеров, которые препятствовали образованию емких рынков, отвечавших нуждам расширявшегося производства. В том же направлении действовала относительная интенсификация транспортных и информационных потоков, в основе которой лежали новые технические возможности и возросшая горизонтальная мобильность граждан, стимулируемая как производственными, так и культурными факторами, а также усиливавшееся сопротивление произволу мелких трайбалистских и феодальных владык.

Данная матрица хорошо известна, что неизбежно породило соблазн наложить ее на происходящее сегодня. Поскольку глобализация,

во многом определяющая нынешний этап развития, превращается из тенденции в реальность, она-де не может не сказаться на социально-психологической сфере. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что современным нациям не избежать судьбы, которая некогда постигла родовые и племенные союзы, и им предстоит раствориться в идентичностях надгосударственного, а то и глобального типа.

Отсюда, в частности, слышная либеральной иммиграционной политика, проводимая многими странами в конце XX — начале XXI в. Отсюда столь распространенная ставка на неограниченное, не подготовленное должным образом использование иностранной рабочей силы. Отсюда недооценка национального фактора, явно просматривающаяся на протяжении всех лет существования Европейского союза. Отсюда же неоправданно высокие надежды, возлагавшиеся многие годы на политику мультикультурализма, якобы способную обеспечить бесконфликтные отношения между замкнутыми на себя этническими общинами, и т.д.

При этом игнорировался ряд важных обстоятельств.

Во-первых, становление наций было длительным процессом — даже если рассматривать его в исторических масштабах. Во-вторых, происходил он крайне сложно и противоречиво. Движение к национальной идентичности то и дело меняло направление, совершало рывки, переживало длительные застои и откаты. В-третьих, за столетия своего существования нынешние нации приобрели устойчивость, заметно превышающую ту, что была присуща предшествовавшим — племенным, ранним этническим и, тем более, насильственно сконструированным — образованиям. На последнем обстоятельстве стоит остановиться особо.

За время существования государственно-гражданских наций у них сформировалось экономическое пространство, худо-бедно обеспечивающее условия для развития производства и повышения исторически сложившегося уровня жизни. И хотя, как говорилось выше, герметичность этого пространства уже размыта, его роль по-прежнему значительна даже там, где национальные государства вошли в состав более широких объединений. И она, судя по всему, сохранится еще длительное время.

В тех же пределах возникло правовое и политическое пространство. И значение его с годами не уменьшилось, а увеличилось.

На базе национальных сообществ выросли современные политические режимы. Можно долго и много рассуждать об их действительных и мнимых изъянах. Но свои функции они выполняют. Между тем заинтересованность в них (а она имеет массовый характер) неразрывно связана с привязанностью к национальным общностям, объединенным на государственной основе.

Не меньшую роль играет устойчивое восприятие национальной общности как главного гаранта безопасности перед лицом внешних уг-

роз. Поскольку других гарантов пока мало, а ставка на них связана с риском, вера в государственно-гражданскую общность как защитницу от иноземных посягательств до сих пор остается реальным фактом.

Ко всему этому следует добавить во многом негативное отношение массового сознания к передаче государственных компетенций на усмотрение наднациональных бюрократов, а также неоднозначный опыт, накопленный многими народами в результате беспрецедентной интенсификации людских потоков, все активнее преодолевающих границы регионов, государств, цивилизаций и континентов.

Отрицать позитивную сторону этого опыта было бы неверно. Однако она ощущалась главным образом в тех случаях, когда масса вновь прибывших не превышала некий критический показатель, не создавала неудобств аборигенам, была цивилизационно и конфессионально близкой, демонстрировала выраженную готовность принять и усвоить обычаи и законы новых мест пребывания или, по меньшей мере, считаться с ними. В иных ситуациях результат оказывался сдержанно нейтральным, а чаще всего — негативным. Особенно остро это проявлялось тогда, когда основную часть иммиграционного потока составляли выходцы из стран с низким уровнем общественного развития и с доминирующим мусульманским населением.

Соответственно, там, куда вливались иммиграционные потоки, сложилось три типа реакции на интенсификацию межнациональных отношений: благожелательная, нейтральная и нетерпимо-негативистская. При этом в рамках каждой из этих реакций присутствовала своя шкала интенсивности — от сдержанной до радикальной.

Социологические замеры дают основания утверждать, что в странах, столкнувшихся с этим явлением, благожелательное отношение к представителям иных народов, государств и цивилизаций, которое вроде бы должно было символизировать современный подход к проблеме, свойственно лишь меньшинству. Гораздо более распространено нейтральное или откровенно нетерпимое отношение к «инородцам».

Для понимания сути происходящего особенно важно осмысление позиции, названной последней.

Ее сторонников обычно именуют правыми радикалами, а идеологию, лежащую в основе их действий, — национализмом. В целях уточнения подчеркну, что в рассматриваемых случаях речь обычно идет не о национализме в целом, а о крайних, экстремистских его формах.

Каковы же особенности современного радикального национализма? Является ли он аналогом соответствующих течений в прошлом или же, используя сходные лозунги, тем не менее представляет собой нечто принципиально новое?

Ответы на эти вопросы дает знакомство с конкретным материалом. А он убеждает, что отличия есть — и серьезные.

1. Если раньше национализм, как правило, действовал в территориально ограниченных пределах, хотя время от времени его вспышки

- накладывали отпечаток и на ход мировых событий, то сегодня он приобретает глобальный характер (при том что конкретные его проявления во многом зависят от специфики региона).
2. У современного радикального национализма (за некоторыми исключениями) интегрирующая функция если не исчезла, то, по меньшей мере, оказалась вытеснена на задворки. Ставка на формирование нации путем интеграции разнородных общностей в большинстве случаев заменена идеей этнической самодостаточности.
 3. Национализм в том виде, в каком он существовал в прошлом, более или менее адекватно отражал потребности общественного, в том числе экономического, развития — прежде всего необходимость консолидации общества, преодоления общинной, клановой и иной раздробленности. Современный воинствующий национализм противостоит объективным тенденциям общественного развития — экономическим, политическим и культурным процессам, растущей взаимозависимости человечества.
 4. Идеология современного национализма не столь прямолинейна, как в прошлом. Не так очевидна ее антиинтеллектуальная направленность, чаще присутствующая незримо, в подтексте. В соответствии с этим арсенал его аргументов пополняется ссылками на роль национальной культуры в обогащении общей культуры человечества и, следовательно, на необходимость национально-культурного возрождения. Содержательная сторона этих аргументов не вызывает возражений. Другое дело, чем они оборачиваются на практике.

Перенесение упора с идеи нации на идею этноса как инварианта внесло существенные коррективы в целевые установки и методы националистических движений. Целью старого национализма являлась прежде всего культурная и лингвистическая интеграция общности, рассматриваемой как нация, а главным способом ее достижения считалась ассимиляция. Готовность к интеграции, реальное продвижение в ее направлении обычно снимали дискриминационные барьеры на пути экономической, социальной и иной мобильности. Новый радикальный национализм со свойственным ему упором на этническую сторону дела трактует ассимиляцию не как форму национальной интеграции, а как маневр, призванный подорвать нацию изнутри. При таком подходе национальная интеграция, по сути, отождествляется с вытеснением «этнически чуждого элемента» путем изгнания либо даже физического уничтожения. В этом смысле непосредственными предтечами современного национализма были германские национал-социалисты с их ориентацией на «расовую чистоту крови».

В целом, однако, ценностные установки радикального национализма не изменились. И хотя эти установки весьма многообразны, в их числе можно вычленить несколько наиболее типичных:

- тяга к самозамыканию этнически и конфессионально однородных общностей;

- активное неприятие глобализационных и интеграционных процессов;
- патологическая ксенофобия;
- склонность к крайним формам борьбы за поставленные цели.

Преувеличивать значимость рассмотренной тенденции, разумеется, не стоит. Влияние радикального национализма, за некоторыми исключениями, остается вторичным — во всяком случае, в наиболее развитых странах. Но и не считаться с ним было бы ошибкой.

То, что в большинстве этих стран правые радикалы легально действуют и собирают значительное число голосов на выборах, — факт общеизвестный. Но не меньшее значение имеет и то, что они уже нередко становятся «рукопожатными» — их с возрастающей охотой принимают в «приличном обществе», включают в состав политических коалиций, опираются на их голоса в парламентах, утверждают на министерских должностях. Историки знают, что аналогичная тенденция фиксировалась в Европе в 20-е годы прошлого века, и хорошо помнят, к чему это привело в конечном счете.

Не следует также забывать, что, как свидетельствует печальный опыт, правые радикалы оказываются «на коне» в периоды острых кризисных потрясений. Судя по всему, мир постепенно, но неуклонно вползает в ситуацию нестабильности. И то, что это чревато рядом политических сдвигов, не вызывает сомнений.

На горизонте грозовые тучи

В этих условиях есть основания задуматься над тем, что может произойти, если радикальный национализм вдруг превратится в доминирующую политическую силу. Вероятных последствий будет много. Обратимся к наиболее актуальным.

Одним из первых шагов победившего радикального национализма, без сомнения, будет попытка «приструнить» национальные меньшинства, используя всевозможные административные ресурсы. Чем это обернется, представить себе нетрудно.

Растущая нетерпимость по отношению к меньшинствам вызовет серию острых ответных действий. Там, где такой эксперимент приобретет реальные формы, возникнет глубокая напряженность. У тех, кто подвергнется дискриминации, существенно усилится чувство отчужденности от политической системы и конкретной государственности, с которыми им приходится иметь дело. В итоге резко возрастет готовность к сопротивлению, а тем самым — и массовая база для активности террористов.

Реакцией на такое развитие событий станет еще бóльшая враждебность к меньшинствам со стороны не принадлежащих к ним граждан. Лежащее в его основе по преимуществу бытовое недовольство начнет перерастать в идеологически окрашенный шовинизм, что, в свою очередь, ослабит политические силы, противостоящие радикальному национализму. Пресечь это развитие будет предельно сложно, тем более

что в нынешних условиях имеется набор трудно контролируемых способов вмешательства во внутренние конфликты извне.

Конечно, национальные меньшинства в разных странах не равнозначны. Одни из них испокон веков (или издавна) населяли территорию, входящую в состав соответствующего государства. Другие возникли на базе недавних иммиграционных потоков и, по сути, еще не привыкли к новым условиям жизни. Иногда меньшинство многочисленно и охватывает собой заметную долю населения. Нередко, однако, речь идет о сравнительно небольших этнических или конфессиональных общинах.

Во многом различны проблемы, которые их беспокоят. Не одинаковы и сложности в отношениях между большинством и меньшинством граждан, проживающих бок о бок в одной стране.

Но есть и то, что объединяет весь этот сложный комплекс вопросов. И прежде всего речь идет о том, что здесь, как и в медицине, в полной мере действует принцип «не навреди», завещанный, как известно, еще Гиппократом. При решении проблемы и отдельных ее составляющих категорически противопоказаны игнорирование психологической стороны дела (болезненного восприятия меньшинством любых неосторожных слов и действий), использование силовых приемов и непродуманная, неоправданная спешка с реакцией на возникающие конфликты.

Националисты-радикалы этот принцип не приемлют. Поэтому вред, который они могут нанести, вплотную занявшись этой сферой, поистине безграничен.

Особого внимания заслуживает и еще один аспект складывающейся ситуации.

Передача части функций, издавна выполнявшихся национальным государством, на более высокий уровень (интеграционным административным институтам), вкупе с рядом других явлений, обсуждавшихся выше, положили начало размыванию государственно-гражданской идентичности — в том числе той, что формировалась на протяжении нескольких столетий. Признаки этого наметились еще во второй половине прошлого века.

В наиболее выраженной форме обозначившаяся тенденция проявилась в тех странах, государственно-гражданская идентичность которых в силу тех или иных обстоятельств оказалась непрочной. В связи с этим достаточно вспомнить судьбу, которая постигла Советский Союз, Чехословакию и Югославию. Разумеется, конкретные причины, как и формы, распада были различными. Но то, что названные государства, ранее казавшиеся вполне устойчивыми, практически в одно и то же время распались на составные части, заставляет задуматься о некоей более глубокой общей первопричине.

Напомню также, что незадолго до упомянутых событий открытые посягательства на сложившуюся государственно-гражданскую идентичность начались и в некоторых странах Западной Европы, ставших

членами Евросоюза. Именно там сформировался и получил распространение хлесткий лозунг «Европа регионов», предполагавший, что основными субъектами реализуемой тогда интеграции должны стать не государства, а их районы.

Правда, практических последствий выдвижение этого лозунга не имело. В те годы, в условиях сравнительно устойчивого, позитивного развития западноевропейской интеграции, серьезных сторонников у него не нашлось. Тем не менее мысль сохранилась, ибо, даже будучи изложенной в не очень приемлемой форме, она все же отражала некоторые объективно протекавшие процессы.

А они тем временем продолжались. Общая государственно-гражданская идентичность испытывала все новые удары, тогда как региональные субидентичности набирали дополнительную силу.

Соответственно, произошло своего рода реформатирование радикального национализма. Он как бы раздвоился. Его ядро, по-прежнему ориентирующееся на общенациональную идентичность, объявило войну интеграции в любых ее формах, заклеив ее как абсолютное зло и путь к неизбежной катастрофе. Вместе с тем, воспользовавшись «благоприятной обстановкой», наряду с ним и тесня его, в бой ринулись националисты-сепаратисты.

Особенно заметным это стало с того момента, когда начался очередной мировой экономический кризис, переросший вскоре в кризис глобальной финансовой системы. А объектами атак со стороны сепаратистов оказались в первую очередь те страны, в которых государственно-гражданская идентичность все еще оставалась уязвимой. О возможности расчленения или даже полного распада государства заговорили даже там, где еще недавно что-либо подобное выглядело невероятным.

Некоторые специалисты (в том числе не из худших) поспешили объявить происходящее новым свидетельством в пользу тезиса о близком конце государства как основной формы хозяйственного, культурного и административного членения человеческого сообщества. О несостоятельности такого подхода уже шла речь выше. В действительности мы имеем дело не с кризисом государства, а с кризисом сложившихся государств, на смену которым могут прийти другие.

Какие? Ответа на этот вопрос пока нет. Дальнейший ход событий в деталях не предсказуем. На данный момент можно лишь привести предварительный реестр стран, которые рано или поздно могут оказаться перед перспективой крайне болезненных преобразований.

Условно их можно подразделить — в зависимости от остроты проблемы — на несколько эшелонов.

В первый есть все основания включить Бельгию, Великобританию, Испанию и Канаду. В них угроза дезинтеграции прежних государственных образований вышла далеко за рамки досужих рассуждений в духе «пикейных жилетов», став реальным объектом политических решений. В Бельгии значительная часть фламандцев уже не желает

сосуществовать с валлонами в едином государстве. И решение этого вопроса настолько назрело, что выглядит неизбежным.

В Великобритании все большая часть населения Шотландии высказывается за отделение от Англии. От реализации этого намерения до сих пор удерживали некоторые соображения внутреннего порядка. Однако они, судя по всему, ослабевают, и не очень ясно, что за этим последует. Между тем у Великобритании есть и другие болезненные очаги: в их числе Северная Ирландия и Уэльс. Не пойдут ли они по пути, проложенному шотландцами? Кто знает...

Крайне острая ситуация складывается в Испании. Критическое положение в экономике и неразумное поведение нынешних правителей, игнорирующих интересы существенной части народа, до предела взвинтили недовольство. В некоторых исторически сложившихся провинциях оно приобрело форму отторжения от центральной власти. В результате прежний умеренный автономизм все очевиднее трансформируется в стремление превратить провинции в самостоятельные государства.

С наибольшей силой это проявляется в Каталонии — особом в этническом и лингвистическом плане и, что немаловажно, очень богатом регионе. Судя по результатам выборов в местный парламент, состоявшихся в конце 2012 г., большинство каталонцев, включая представителей политической и экономической элит, так или иначе поддерживают идею государственной независимости. За каталонцами, безусловно, последуют баски, давно стремящиеся к созданию собственного государства. А там на очереди Галисия и, быть может, Валенсия и Кордова. Что после этого останется от Испании, сказать трудно.

Жители Квебека (Канада), этнически и культурно чувствующие себя в большей степени французами, чем канадцами, неоднократно высказывали поддержку политическим силам, ратующим за превращение провинции в независимое государство. Сейчас у власти в Квебеке находится партия, которая провозгласила своей целью претворение данного требования в жизнь. Этому препятствуют многие обстоятельства, в том числе хозяйственные интересы. Но, как свидетельствует исторический опыт, при наличии четко выраженной политической воли они вполне преодолимы.

Во второй эшелон следует включить Италию и Францию. В первой есть влиятельная, представленная в парламенте и имеющая опыт пребывания в правительстве партия сепаратистов. В ее учредительных документах содержится недвусмысленная установка, предполагающая отделение Севера от остальной Италии.

Пока реальные действия, направленные на воплощение этой идеи, энергичностью вроде бы не отличаются. Не нужно, однако, забывать, что за поверхностной риторикой сепаратистов стоит богатое историческое прошлое: длительное существование Венецианской и Генуэзской республик, Флорентийского государства (примечательно, что жители Флоренции, бывшей, по сути, культурной столицей средневековой

Европы, по сей день считают себя потомками этрусков — стойких врагов тогдашних «дикарей из Рима»), Неаполитанского королевства и т.д. В общественном сознании итальянцев память обо всем этом отнюдь не стерта. И если кризисная ситуация утвердится всерьез и надолго, то эта память вполне может превратиться в важный фактор политического поведения граждан.

Франция на протяжении ряда столетий слыла самой централистской из всех значимых стран Западной Европы. Тем не менее и у нее имеются свои внутринациональные «болячки». Обычно к числу таковых принято относить «корсиканскую проблему». Действительно, этот во многом этнически и лингвистически итальянский остров до сих пор плохо вписывается во французскую идентичность. Однако если присмотреться, то в шкафу у Франции обнаружатся и другие «скелеты». Достаточно упомянуть Эльзас с его немецкоязычным населением и тесной связью с немецкой культурой, Нормандию, Бретань и т.д.

Особняком, казалось бы, стоит современная Германия — наиболее успешная экономически держава, до поры до времени выступающая в роли спонсора нищающих коллег по Европейскому союзу. Ее нерушимое единство представляет собой сегодня нечто вроде «священной коровы» в индийском пантеоне. И, судя по всему, так будет до тех пор, пока немецкое народное хозяйство остается более или менее здоровым. В противном случае возможные различные варианты.

В 1918 г., после поражения Германии в Первой мировой войне, баварцы как бы невзначай вспомнили о том, что их земля в течение полутысячи лет была самодостаточным королевством. И политическая ориентация на независимость там оставалась актуальной вплоть до 1924 г. — начала экономического оздоровления Германии. О самостоятельном прошлом заговорили тогда и в землях рейнского левобережья, где под возгласы «Прочь от Берлина» была провозглашена Рейнская республика. Нечто подобное можно было наблюдать и в первые месяцы после капитуляции нацистского режима в мае 1945 г.

Конечно, все описанное выше — не более чем вариант, который может и не реализоваться. Вместе с тем не вызывает сомнений, что объективная ситуация, складывающаяся во многих развитых, еще недавно считавшихся стабильными странах, открывает благоприятные возможности для радикальных националистов.

Разумеется, все народы, малые и большие, имеют полное право сами определять свою судьбу, особенно в тех случаях, когда подвергаются дискриминации там, где проживают. Но, констатируя это, не следует забывать, что разрушение сложившихся государственных структур, влекущее за собой болезненный разрыв экономических, культурных, социальных и личных, человеческих связей, — это, как правило, катастрофа, несущая неисчислимые бедствия простым людям. И когда исчезает замешанная на иллюзиях эйфория, им становится очевидно, что понесенные потери на много порядков превосходят решенные проблемы.

Да и решение это нередко оказывается мнимым.

Выход меньшинства из состава прежнего государства и образование новой государственной структуры, снимая одну внутринациональную проблему, порождает другие.

Образовать этнически однородное государство в нынешних условиях практически невозможно. В мире почти не существует подобного рода территорий. В рамках заново созданной страны неизбежно появится новое национальное меньшинство. Ему, естественно, тоже будет присуще стремление к суверенитету. Если же оно было частью прежнего национального большинства, оставшегося за пределами вновь проведенных границ, то его недовольство своим положением будет проявляться в особо настойчивой форме. Этому будут способствовать и обостренное чувство утраты прежних доминирующих позиций, и реальная возможность опереться на поддержку лингвистически, этнически и культурно близких жителей соседнего государства. Возникнет ситуация, именуемая ирредентизмом, — источник многих кровавых событий в прошлом.

Но это только одна сторона дела. Есть и другая.

В мире сейчас насчитывается свыше 200 суверенных государств. Если этот статус получают пусть не все, но хотя бы многие сравнительно крупные этнолингвистические группы, их число возрастет более чем вдвое. Это, в свою очередь, равнозначно полной перекройке политической карты мира, чреватой, как свидетельствует опыт, кровопролитием в широких масштабах.

Реализация всех заявленных требований самоопределения путем обретения самостоятельной государственности привела бы к возникновению множества нежизнеспособных государств, существование которых было бы возможным лишь при масштабной поддержке извне. Однако рассчитывать на такую поддержку — даже не постоянную, но, во всяком случае, достаточно длительную, — по меньшей мере, нереалистично. Вместе с тем попытки вновь возникших государств самоутвердиться и выжить грозят многочисленными вооруженными конфликтами либо между ними, либо с третьими странами.

Игнорировать все эти обстоятельства крайне опасно.

* * *

Процессы, рассмотренные выше, носят всеобщий характер и в этом смысле так или иначе свойственны и России. Разумеется, специфика сложившейся в ней ситуации заслуживает особого разговора. Тем не менее присмотреться к тому, что происходит в столь важной, острой и чувствительной сфере вовне, крайне полезно. Учиться следует не только на чужих успехах, но и на чужих просчетах.

Библиография

- Дробижева** Л.М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 7. — М.
- Лапкин** В.В. 2011. Метаморфозы идентичности в условиях глобализации // *Политэкс*. № 2.
- Семенов** И.С. 2008. Метаморфозы европейской идентичности // *Полис*. № 3.
- Семенов** И.С. (ред.) 2012. *Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т.* — М.
- Семенов** И.С., **Лапкин** В.В., **Пантин** В.И. 2010. Идентичность в системе координат мирового развития // *Полис*. № 3.
- Хабермас** Ю. 1995. Гражданство и национальная идентичность // **Хабермас** Ю. *Демократия. Разум. Нравственность*. — М.
- Эрикссон** Э. 1996. *Идентичность: юность и кризис*. — М.
- Castells** M. 2004. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2: The Power of Identity*. — Oxford.
- Giddens** A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. — Cambridge.
- Muir** R. 2007. *The New Identity Politics*. — L.